

Данц А.

День в римском цирке

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2723>]

[Публикация работы:]

Данц А. 1853: День в римском цирке // Пропилеи. Сб. ст. по классической древности Т. 3. Ч. 1 / П. Леонтьев (ред.). М., 245-270.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ДЕНЬ ВЪ РИМСКОМЪ ЦИРКѢ.

(Статья Августа Данца *).

— Populus qui dabat olim
Imperium, fasces, legiones, omnia, nunc se
Continet atque duas tantum res anxius optat,
Panem et Circenses.

Juvenalis.

— Here the buzz of eager nations ran,
In murmur'd pity, or loud roar'd applause,
As man was slaughter'd by his fellow man.
And wherefore slaughter'd? wherefore, but because
Such were the bloody Circus' genial laws,
And the imperial pleasure!

Byron.

Во время императора Траяна одинъ богатый гражданинъ Вьенны, города въ нынѣшней Франціи, завѣщаль значительную сумму денегъ на ежегодныя игры. Требоній Руфинъ, бывшій въ то время во главѣ городского правленія Вьенны, воспротивился исполненію этой части его завѣщанія. Привязанные къ зрѣлищамъ всякаго рода, жители Вьенны отстаивали завѣщаніе, и дѣло дошло наконецъ до императора, который назначилъ для его изслѣдованія особую ком-

* Эта статья г. Данца, профессора въ Лейпъ, была помѣщена въ извѣстной нѣмецкой литературной газетѣ Morgenblatt въ NN^o 7, 8 и 9 на 1852 годъ. Передаемъ ее въ переводѣ, сдѣланномъ А. Н. Георгіевскимъ, съ небольшими выпусками. Ред.

мисію и самъ принялъ въ ней предсѣдательство. Большинство членовъ этой комиссіи, соглашаясь съ мнѣніемъ Руфина, не дозволило ежегодныхъ игръ въ Вьеннѣ на томъ основаніи, что онѣ такъ же развратили бы нравы жителей этого города, какъ римскія игры были причиною нравственной порчи всѣхъ народовъ міра.

Съ этимъ рѣшеніемъ комиссіи вполнѣ согласно мнѣніе благороднѣйшихъ Римлянъ со временъ Августа до Гадріана; всѣ они единодушно считали игры и битвы цирка главнѣйшею причиною и источникомъ испорченности вкуса и суровости нравовъ. И мы, узнавши, какое мѣсто занимали эти игры въ жизни римскаго народа во время имперіи, и какую безумную страсть внушали ему, должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ благороднѣйшихъ людей того времени. Выслушаемъ сначала свидѣтельство Амміана Марцеллина, историка, жившаго въ началѣ пятаго вѣка по Р. Х.: «Богатые и знатные (рассказываетъ онъ) ни о чемъ больше не говорятъ, какъ только о лошадахъ и ристаніяхъ, о великолѣпныхъ постройкахъ и рѣдкихъ лакомствахъ, а праздная толпа повидимому живетъ лишь для того, чтобъ пить, играть въ кости и гоняться за зрѣлищами и скачками. Ея храмъ, ея обиталище, ея народное собраніе, цѣль всѣхъ ея желаній — арена цирка. На всѣхъ площадяхъ, на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ широкихъ улицахъ видны толпы людей въ сильнѣйшихъ движеніяхъ; подумаешь, что между ними рѣшаются важныя спорныя дѣла: но спросить всѣхъ этихъ престарѣлыхъ мужей, которыхъ видишь въ толпѣ, чего они такъ сильно желаютъ и домогаются,—выйдетъ, что судьба Имперіи по ихъ мнѣнію зависитъ отъ исхода предстоящаго ристанія. Когда же наступаетъ давно желанный день игръ, весь народъ еще за долго до восхожденія солнца стремится изъ жилищъ своихъ въ циркъ; въ своей поспѣшности онъ опередилъ бы пущенныя въ запускъ колесницы: до того всякій боится потерять свое мѣсто между зрителями. Исходъ ристаній, побѣда того или другаго цвѣта, занимаетъ весь городъ, повергаетъ весь народъ въ тревожное ожиданіе, и бѣлая часть зрителей проводитъ отъ того безсонныя ночи.»

И это описаніе вовсе не преувеличено; сами сенаторы, по свидѣтельству Клавдіана, вмѣсто того, чтобы совѣщаться о дѣлахъ государственныхъ, забывались до того, что тратили свои засѣданія на пренія о коняхъ и возницахъ, пѣвцахъ и актерахъ и отлагали настоящіе предметы разсужденія до другаго времени.

Во время имперіи вся жизнь римскаго народа вращалась около однихъ общественныхъ празднествъ и игръ цирка. Для того, чтобы

вполнѣ оцѣнить гибельное вліяніе послѣднихъ, вспомнимъ, что уже во время агоніи римской республики онѣ, вмѣстѣ съ безденежною раздачею хлѣба, были главнѣйшимъ средствомъ въ рукахъ честолюбцевъ, искавшихъ власти. Для достиженія этой цѣли нужно было угождать римской городской толпѣ, удовлетворяя всѣмъ ея потребностямъ и прихотямъ, — а эта толпа, простиравшаяся въ первое время имперіи до 1,250,000 человекъ, состояла почти вся изъ бѣдняковъ, у которыхъ не было никакой собственности, никакихъ средствъ существованія, потому что, гордые своимъ званіемъ римскихъ гражданъ, всякую работу и всякій промыселъ считали они ниже своего достоинства и въ то же время хотѣли жить не только беззаботно, но еще среди веселій. Такому положенію и такимъ склонностямъ римскаго народонаселенія цезари старались удовлетворять раздачею хлѣба по самымъ дешевымъ цѣнамъ и доставленіемъ разныхъ удобствъ жизни и непрерывныхъ увеселеній. Уже Августъ содержалъ или поддерживалъ половину городского народонаселенія раздачею хлѣба и денегъ; и эта раздача происходила не одновременно, не въ рѣдкіе лишь случаи скоропреходящей дороговизны, но постоянно, ежегодно, такъ что чье имя однажды было внесено въ листы, тотъ всю жизнь пользовался благодѣяніями казны. Можно сказать не боясь преувеличенія, что бѣольшая часть римскаго народонаселенія состояла на жалованьи Августа. Въ годы голода и дороговизны щедрость его доходила до того, что онъ безденежно раздавалъ хлѣбъ на большую часть года всѣмъ гражданамъ Рима. Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣйшее городское населеніе съ неувѣроятною щедростью надѣлялось и деньгами. При счастливыхъ событіяхъ эти денежные подарки (*congiagia*) раздавались въ размѣрахъ еще болѣе обширныхъ. Такъ въ короткій промежутокъ семнадцати лѣтъ трижды одарялъ Августъ все мужское населеніе Рима, включая въ него и малыхъ дѣтей, каждого по 400 сестерцій (около 20 руб. серебр.), что составляло каждый разъ огромную сумму почти въ 12 милліоновъ руб. серебр.

Еще неумѣренныя были требованія римскихъ жителей относительно удовольствій и увеселеній разнаго рода. Жить безъ заботъ и наслаждаться безъ труда — вотъ цѣна, которою искупалось забвеніе историческихъ воспоминаній. И по тому же закону, который увлекаетъ луну въ обращеніи земли, нравственный упадокъ Рима увлекалъ всѣ города и провинціи Имперіи на ту же гибельную стезю. Наслажденіе сдѣлалось послѣднею цѣлью жизни, и кто доставлялъ его въ наибольшей мѣрѣ, тотъ становился владетелиномъ міра.

Еще въ концѣ республиканскаго періода начались великолѣпныя сооруженія съ цѣлью доставить удобства и наслажденія жителямъ Рима. Цезари, сооружая неизмѣримыя по величинѣ и великолѣпію термы, не имѣли, по мѣткому замѣчанію Нибура, другой цѣли въ виду, какъ доставить народу въ стѣнахъ самого города тѣ же удовольствія и увеселенія, какія прежде доступны были только богатымъ вдали отъ Рима, въ Баіяхъ и въ виллахъ на берегу моря. Всѣ наслажденія и пріятности жизни на водахъ, всѣ эти гимнастическія упражненія, игры и изысканныя забавы, къ которымъ влекла мода праздный народъ, все это соединялось въ предѣлахъ тѣхъ громаднхъ зданій, гдѣ каждый могъ гулять и искать удовольствій съ утра до вечера. Тогда какъ въ прежнее время отдѣльныя лица домогались народной милости тѣмъ, что доставляли ему на нѣсколько дней право безмездно пользоваться баней и масломъ, современникъ Августа Агриппа воздвигъ для всегдшняго безденежнаго пользованія тѣ термы, художественное великолѣпіе которыхъ восхваляется всѣми древними. Однакожъ и ихъ слава померкла передъ громаднѣйшими и великолѣпнѣйшими послѣдующими постройками, и наконецъ почти въ каждомъ округѣ города воздвигнуты были императорами драгоцѣнныя термы, колоссальныя развалины которыхъ еще и теперь повергаютъ насъ въ удивленіе.

Уже въ послѣдніе дни республики во всѣхъ частяхъ города въ обворожительномъ блескѣ возникали величавыя зданія для увеселеній народа. Такъ на короткій срокъ одного мѣсяца Маркъ Савръ соорудилъ деревянный театръ, который вмѣщалъ до 80,000 зрителей. Сцена была украшена 360 колоннами изъ драгоцѣннѣйшаго мрамора и 3000 статуй изъ бронзы; всѣ стѣны были одѣты мраморными плитами, мозаикой и позолочеными досками. По случаю похоронныхъ праздниковъ въ честь отца Цезарь доставилъ трибуну К. Скрибонію Куріону средства на сооруженіе двухъ знаменитыхъ по своей величинѣ деревянныхъ театровъ. Оба соприкасавшіеся своею заднею стороною полукруга съ мѣстами для зрителей могли быть въ одно мгновеніе съ 20 тысячами зрителей обращены такъ, что по отпаденіи сцены они составляли одинъ громадный амфитеатръ.

Во времена имперіи троякимъ образомъ удовлетворялась страсть народа ко всякимъ зрѣлищамъ. Долгое время для сценическихъ представленій сооружался на короткій срокъ театръ изъ дерева, иногда, какъ показываетъ примѣръ Савра, съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, и тотчасъ же по окончаніи представленій назначался

въ сломку. Еще во время Помпея нравы были такъ строги, что, построивши первый каменный театр, онъ счелъ за нужное вверху его воздвигнуть храмъ Венеры Побѣдительницѣ, чтобы мѣста для зрителей казались лѣстницею къ этому храму. Но и во время величайшаго процвѣтанія римской роскоши для этихъ менѣ любимыхъ сценическихъ игръ служили во всей громадной столицѣ лишь три театра, если не причислять къ нимъ четвертаго меньшаго—одеона, назначеннаго для музыкальныхъ концертовъ и потому крытаго. Многочисленнѣе были цирки, въ которыхъ давались зрѣлища, съ болѣею страстью любимыя римскимъ народомъ. Наконецъ три колоссальныя амфитеатра были построены лишь съ тою цѣлью, чтобы здѣсь съ большимъ удобствомъ наслаждался народъ тѣми же зрѣлищами, которыя прежде давались въ циркѣ.

До 533 года отъ основанія города въ Римѣ былъ одинъ только циркъ, который по своей громадности до позднѣйшаго времени назывался «величайшимъ» (*Circus maximus*). Этотъ циркъ, первое заложеніе котораго приписывается старшему Тарквинію, простирался вдоль по ложинѣ между Палатинскимъ и Авентинскимъ холмами въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся небольшая церковь *Santa Maria в Космединѣ* и садъ *Рончіани*. Первое устройство этого цирка Тарквиніемъ едвали состояло въ какихъ либо сооруженіяхъ: безъ сомнѣнія въ то время было только отгорожено и выровнено мѣсто для бѣга коней и колесницъ. Каждому изъ 30 старинныхъ отдѣловъ римскаго народа назначено было особое мѣсто, на которомъ они сами уже строили для себя сѣдалища (*fori, spectacula*). Это было не что иное, какъ деревянныя подмостки, служившія на время игръ. Младшій Тарквиній вѣроятно первый построилъ настоящее зданіе цирка; но только въ 425 году были устроены вмѣстилища (*carceres*) для колесницъ, которыя замыкали собою возвышавшіяся другъ надъ другомъ мѣста для зрителей, какъ теперь занавѣсъ отдѣляетъ сцену отъ зрителей. Эти карцеры, построенныя первоначально изъ дерева, потомъ изъ туфа, наконецъ изъ мрамора, назывались также *orridum*, крѣпостей, потому что снабжены были стѣнами и небольшими башенками. Въ нихъ до начала бѣга стояли колесницы и лошади, и кромѣ того было множество отдѣленій для звѣрей всякаго рода.

Со времени Цезаря и Августа колоссальное зданіе цирка становилось все болѣе и болѣе блестящимъ и великолѣпнымъ. Дионисій Галикарнассскій такъ его описываетъ: «Съ теченіемъ времени

этотъ циркъ сталъ красивѣйшимъ зданіемъ въ цѣломъ Римѣ. Внутреннее пространство его, на которомъ происходили ристанія, и которое, будучи усыпано пескомъ, называлось ареной, простиралось на 2187 ф. въ длину и около 650 ф. въ ширину; такимъ образомъ все зданіе занимало около 5 осьминниковъ земли*. Вокругъ арены возлѣ мѣстъ для зрителей тянется каналъ (эврипъ) шириною въ 10 ф. и во столько же глубиною, весь наполненный водой. Только съ той стороны, гдѣ карцеры, нѣтъ такого рва. За этимъ рвомъ вокругъ всей арены** идутъ три соприкасающіеся ряда камеръ со сводами. Надъ крайнимъ рядомъ камеръ возвышаются еще два этажа такихъ же камеръ, а надъ среднимъ рядомъ — одинъ этажъ. По верху этихъ камеръ со сводами, въ видѣ трехъ-яруснаго амфитеатра окружающихъ арену, устроены мѣста для зрителей, идущія снизу вверхъ на подобіе лѣстницъ. Въ двухъ нижнихъ ярусахъ эти мѣста сдѣланы изъ камня, въ верхнемъ — изъ дерева.»

Последнимъ обстоятельствомъ объясняется, почему циркъ не разъ могъ быть жертвою пожаровъ, и какимъ образомъ при Антонинѣ Благочестивомъ во время игръ въ честь Аполлона (ludi Apollinares) одна часть ступеней обрушилась, при чемъ погибло до 1100 зрителей. На этихъ ступеняхъ по показанію Діонисія могло помѣститься до 150 тысячъ зрителей, по Плинію же до 260 тысячъ***. Передъ арками карцеровъ стояли двѣ небольшія статуи Меркурія; онѣ держали цѣпь или канатъ, не позволявшій конямъ выдвигаться впередъ, пока не давался сигналъ для начала ристаній. Вмѣсто цѣпи или каната проводилась иногда борозда, наполнявшаяся известью; за ней *мораторы* держали лошадей до времени бѣга. Эта линія служила также для обозначенія конца бѣга. По серединѣ арены почти во всю длину ея шла стѣна, *спина* (spina), въ 12 футовъ шириною и 4 фута вышиною. По обоимъ ея концамъ стояли три небольшія колонны, *меты* (metae), служившія цѣлю. Между ними и каналомъ съ трехъ сторонъ и карцерами съ четвертой могли свободно проѣзжать четыре колесницы рядомъ. Верхняя поверхность

* Тридцатной мѣры; точнѣе 1,421,550 □ римскихъ футовъ.

** т. е. кромѣ той стороны, гдѣ карцеры.

*** Нѣкоторые думаютъ, что вмѣсто этого числа должно читать 160 тысячъ. Впрочемъ можетъ-быть Плиній и Діонисій имѣютъ въ виду не одно и то же время, а извѣстно, что позднѣйшія пристройки значительно увеличили вмѣстительность цирка. Императоръ Траянъ, обновившій циркъ, хвалился тѣмъ, что въ немъ по возобновленіи могутъ помѣститься всѣ Римляне. *Примѣч. переводчика.*

этой оси цирка (spina) украшалась статуями. При первой метѣ (meta), которая обращена была къ карцерамъ, стояли другія семь небольшихъ колоннъ, на вершинѣ которыхъ находились овальные шарики, называвшіеся лйцами, ova. Для того чтобъ отиѣчать, сколько разъ объѣхали колесницы вокругъ спины, каждый разъ снимался съ этихъ колоннъ одинъ такой шарикъ. Каждое ристаніе состояло изъ семи круговъ около спйны; поэтому тотъ оставался побѣдителемъ, кто при седьмомъ кругѣ скорѣ другихъ достигалъ меты. Семь такихъ круговъ назывались однимъ выпускомъ, missus. Въ особенныхъ случаяхъ, преимущественно же когда кромѣ ристаній предполагались еще и другія игры въ циркѣ, спйна снималась, и меты и ова оставались одни на аренѣ.

Во всѣхъ этихъ играхъ древности можно замѣтить существенное различіе между Греками и Римлянами. У Грековъ самые знатные люди сами принимали участіе въ играхъ, Римляне же до паденія республики оставались только зрителями. Въ первыя времена республики считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ гражданина даже и то, когда онъ давалъ своихъ коней для игръ цирка. Самыя игры производились на счетъ республики, отдѣльныхъ сановниковъ или, въ послѣдствіи, императоровъ, но возницами и бойцами выступали только рабы. Только къ концу республики между знатыми Римлянами нашлись охотники лично участвовать въ играхъ.

На ряду съ играми циркъ употреблялся еще и для того, чтобы выказать любовь къ пышности и расточительность цезарей. Такъ Пробъ велѣлъ пересадить на середину арены множество огромныхъ, вырытыхъ съ корнемъ деревьевъ; этотъ волшебный лѣсъ былъ наполненъ тысячею страусовъ, сернъ, ланей и дикихъ вепрей, — и все это предоставлено въ добычу народу. При Каринѣ циркъ былъ обращенъ въ еракійскую гору, украшенъ дорогами плодovitыми деревьями и орошенъ источникомъ, который низвергался на арену съ самой вершины скалы.

Эти отдѣльныя черты, переданныя намъ изъ разныхъ временъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, что происходило въ римскомъ циркѣ. Но только подробныя извѣстія о безумной къ этимъ играмъ страсти Калигулы даютъ возможность перенестись на цѣлый день въ римскій циркъ и мысленно пережить всѣ приготовленія къ нему, всѣ радости, и горестныя явленія, какими этотъ день сопровождался. Мелкіе камни, которые я собралъ для этой мозаической картины, суть достовѣрныя данныя, и при ихъ соединеніи я позволилъ себѣ только то, что позволено — ежели можно сравни-

вать малое съ великимъ — ландшафтному живописцу, изображающему какой-нибудь пейзажъ на память съ помощію своего альбома и не навлекаящему на себя порицанія, ежели для наполненія пустаго перваго плана онъ помѣститъ дерево, котораго нѣтъ въ дѣйствительности. Я только предполагалъ, что то, что *каждый разъ* случалось, случилось и въ тотъ день, который я пытался изобразить, и думаю, что отъ этого нисколько не пострадаетъ *внутренняя истина*.

Я избираю для такого изображенія блестящую эпоху игры при императорѣ Каіѣ, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Калигулы. Калигула имѣлъ счастье, по смерти своего предшественника Тиберія, найти въ казнохранилищѣ около 150 милліоновъ рубл. серебромъ, а чернь римская вѣняла ему въ особую заслугу, что онъ въ девять мѣсяцевъ истратилъ эту огромную сумму на увеселенія и празднества всякаго рода. Онъ предположилъ себѣ въ полномъ и еще невиданномъ блескѣ возратить Римлянамъ тѣ увеселенія, которыхъ они, къ великому своему прискорбію, лишены были въ мрачное правленіе Тиберія. Онъ постановилъ—достойнымъ образомъ воскресить эти игры въ день своего рожденія 31-го Августа.

Превосходныя дороги, устроенныя его предшественниками и соединявшія бѣольшую часть римскаго царства съ столицею міра, давали возможность съ помощію императорскихъ почтъ отовсюду, даже изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій Имперіи, съ неувѣрною быстротою собрать все то, чѣмъ цезарь надѣялся изумить своихъ Римлянъ. По всей Имперіи пришли въ движеніе легкія двухколесныя, запряженныя тремя мулами, колымаги (sisia), служившія обыкновенно для пассажировъ и нагружаемыя не болѣе какъ двумястами фунтами; это движеніе имѣло цѣлью или возложить на правителей провинцій покупки, предположенныя цезаремъ, или возвести по всей Имперіи о предстоящемъ празднествѣ и вызвать въ Римъ на состязаніе искуснѣйшихъ возницъ, бойцовъ и укротителей зѣбрей. Намѣстники африканскихъ и азіатскихъ провинцій получили приказаніе немедленно устроить ловли зѣбрей, и самыхъ дикихъ и рѣдкихъ изъ нихъ въ клѣткахъ доставить въ Римъ, либо на корабляхъ, либо на четырехъ-колесныхъ телегахъ, запрягавшихся восемью мулами и перевозившихъ обыкновенно тяжелую почту съ одной станціи на другую. Намѣстники должны

были озаботиться и тѣмъ, чтобы ни въ одномъ городѣ не было остановки звѣрямъ и ихъ вожатаямъ болѣе какъ на семь дней.

Какъ ни полны были императорскія конюшни, однакожь римскіе богачи спѣшили выхлопотать себѣ у императора такъ называемую *evectio*, т. е. позволеніе безденежно пользоваться почтовыми учрежденіями Имперіи для того, чтобы отвсюду—изъ Италіи, Сициліи, Каппадокіи и Аравіи—вывозить благороднѣйшихъ лошадей для предстоящихъ состязаній. Правда, лошади, назначаемыя для ристаній, покупались и содержались на счетъ государства, однакожь партіи цирка, богатые частные люди и самъ императоръ имѣли еще собственныхъ своихъ лошадей и выставляли ихъ на состязаніе въ циркѣ. Такія лошади были не старше пяти лѣтъ, безукоризненнаго склада и цвѣта, и потому цѣна имъ никогда не бывала ниже 1,500 рублей серебромъ на наши деньги. И несмотря на то, по увѣренію Варрона, такихъ лошадей было въ Римѣ не менѣе 400 тысячъ. Въ цѣломъ Римѣ не было другаго разговора кромѣ какъ о предстоящихъ играхъ, и чѣмъ болѣе приближался день игръ, чѣмъ болѣе узнавались новыя покупки, тѣмъ оживленнѣе становился споръ объ исходѣ бѣговъ и о предполагаемыхъ побѣдителяхъ. На огромныя суммы бились объ закладъ о торжествѣ того или другаго возницы. Праздная чернь обступала городскія ворота, чтобы посмотрѣть на рѣдкости, отвсюду привозимыя для увеселенія народа.

Еще большее оживленіе замѣтно было въ тѣхъ кружкахъ, которые принимали прямое участіе въ играхъ. Наиболѣе заняты были въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ до начала игръ владѣтели возницъ и сами возницы.

Для того, чтобы сдѣлать яснымъ устройство игръ, которое со всѣми своими злоупотребленіями продолжалось до времени Юстиніана и при немъ было поводомъ къ великому мятежу въ Константинополѣ, во время котораго Юстиніанова гвардія изрубила 30,000 человекъ, необходимо прибавить слѣдующія черты. Великія игры въ циркѣ давались на счетъ государства, или назначенными для того высшими сановниками на собственный ихъ счетъ, но сами наѣзтники или возницы, *aurigae*, правившіе колесницами въ циркѣ, были или рабы, или вольноотпущенники и чужестранцы, которые пріѣзжали въ тотъ городъ, гдѣ давались игры цирка. Большинство авригъ было всегда изъ рабовъ, и ими промышляли богатые Римляне. Владѣтель большаго числа такихъ невольныхъ возницъ назывался *dominus gregis*, т. е. господинъ труппы, отряда возницъ, а труппа, находящаяся подъ его властью, называ-

лась familia quadrigaria (quadriga — колесница, запряженная четырьмя конями). Тѣ, кто обязанъ былъ на свой счетъ давать игры (editores ludorum), нанимали на время игръ у вѣщихъ владѣтелей столько возницъ, сколько требовалось, а вмѣстѣ съ ними и лошадей, ливреи, колесницы и все нужное для игръ. Содержатели возницъ имѣли во времена имперіи право безмезднаго пользованія почтами для того, чтобы изъ всѣхъ странъ древняго міра собирать въ Римъ лучшихъ лошадей и искуснѣйшихъ возницъ или вербовать ихъ черезъ своихъ повѣренныхъ въ ближайшихъ къ Риму мѣстностяхъ. — Самый бѣгъ сначала состоялъ въ состязаніи только двухъ колесницъ, возницы которыхъ различались разнаго цвѣта одеждою, бѣлою и красною. Въ послѣдствіи, когда обыкновенно пускались четыре колесницы рядомъ, прибавлены были еще два цвѣта, свѣтло-голубой и свѣтло-зеленый. Невинное участіе, какое сначала принималъ народъ въ торжествѣ того или другаго цвѣта, при императорахъ стало причиною неистовыхъ раздоровъ для всего римскаго населенія. Когда начали давать игры въ колоссальныхъ размѣрахъ, содержатели возницъ стали соединяться въ компаніи или общества; такихъ обществъ по числу разноцвѣтныхъ ливрей на возницахъ было обыкновенно четыре, и они назывались factiones или партіями цирка. А послѣ того какъ значительнѣйшіе граждане стали лично принимать участіе въ играхъ, и болѣе богатые Римляне держали на свой счетъ авригъ и колесницы, чтобы пускать ихъ на состязанія въ циркѣ, то въ знатномъ обществѣ обратилось въ моду брать сторону того или другаго цвѣта и посѣщать манежи (stabula) той или другой партіи; даже сами императоры открыто принимали сторону одного изъ главныхъ цвѣтовъ, голубаго или зеленого. Люди хорошаго тона непременно должны были записываться членами въ той или другой партіи. Наконецъ цвѣтамъ цирка придавали и мистическое значеніе: такъ напримѣръ борьба зеленыхъ и голубыхъ должна была означать борьбу земли и моря, борьба всѣхъ четырехъ цвѣтовъ — борьбу четырехъ временъ года и т. п.

Тѣ авриги, которые не были рабами, но за плату нанимались у одной изъ партій, хотя и держались обыкновенно одного какого нибудь цвѣта, однакожъ за большую плату нерѣдко продавали свои услуги другой, даже враждебной, партіи. Такъ на многочисленныхъ надписяхъ, сохранившихъ память и славу знаменитыхъ возницъ, нерѣдко означены побѣды, которыя одинъ и тотъ же возница одерживалъ то въ пользу одного, то въ пользу другаго цвѣта. Свободный же Римлянинъ, объявившій себя однажды въ пользу ка-

кой либо партіи, не могъ уже переимѣнить ее на другую, не навлекая на себя позорнаго имени «перебежчика». Всѣ Римляне, за немногими исключеніями принадлежали къ одной изъ этихъ, такъ правильно установленныхъ, партій, и въ позднѣйшее время вожди партій употребляли своихъ приверженцевъ въ политическихъ и церковныхъ распряхъ, чтобы съ ихъ помощію достигнуть своихъ личныхъ цѣлей.

Каждая изъ этихъ четырехъ партій имѣла свой особый конный дворъ или манежъ (*stabulum*), въ которомъ хранилась вся ея утварь и стояли лошади. Въ этихъ же манежахъ жили и многочисленныя, принадлежащія партіи, служащія лица. Во главѣ ихъ стоялъ *quaestor factionis*; онъ завѣдывалъ приходомъ и расходомъ, и выигранныя суммы раздѣлялъ между содержателями возницъ. Возлѣ нихъ жили принадлежавшіе особо каждой партіи медики, которые оказывали пособіе потерпѣвшимъ или на состязаніяхъ въ циркѣ, или во время предшествующихъ тому упражненій. *Margaritarii* имѣли подъ своимъ сбереженіемъ дорогія вещи и украшенія, *tentores* — платья авригъ; наконецъ ремесленники всякаго рода должны были заботиться о починкѣ и поновленіи платья и колесницъ. При такомъ устройствѣ императоры имѣли возможность безъ всякаго приготовленія давать блестящія игры (*subiti ludi*).

Въ этихъ-то манежахъ началось непрерывное, живое движеніе, лишь только императоръ Каій назначилъ игры. Возницы и новыя лошади были тщательно обучаемы, а лучшихъ изъ нихъ подвергали захлинаніямъ чародѣевъ. Покровители той или другой партіи проводили здѣсь все свое время, чтобъ въдоволь надивиться успѣхамъ возницъ и дрессировкѣ лошадей. Самъ императоръ, могущественный покровитель зеленой партіи и до безумія преданный играмъ, по цѣлымъ днямъ съ утра до вечера оставался въ конюшняхъ и въ нихъ даже располагался обѣдать. Въ числѣ императорскихъ коней особенно замѣчательнъ былъ одинъ конь благороднѣйшей породы, по имени Инцитатъ. Онъ былъ любимцемъ Калигулы, часто получалъ отъ него приглашеніе въ гости, и когда ему случалось принимать свой кормъ у императора, то овесъ и питье подавались ему не иначе, какъ въ золотой посудѣ. Въ мраморномъ стоилъ своемъ Инцитатъ ѣлъ изъ яслей, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, и императоръ подарилъ ему наконецъ, кромѣ пурпуровой попоны и недоуздки, украшеннаго драгоценными камнями, цѣлый домъ, вполнѣ меблированный и снабженный нужною прислугою: знатныхъ Римлянъ, которыхъ цезарь принуждалъ ухаживать за

своею любимую лошадью, Инцитатъ приглашалъ къ себѣ въ гости и въ вознагражденіе за ихъ вѣжливость великолѣпно ихъ угощалъ.

Среди этихъ приготовленій къ ристаніямъ привозились мало по малу въ Римъ и тѣ звѣри, которые пойманы были въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ и содержались въ огромномъ каменномъ зданіи, назначенномъ для ихъ жительства и дрессировки (*vivarium*). Оно находилось внѣ города между Номентанскими и Тибурскими воротами, и до сихъ поръ его развалины еще свидѣтельствуютъ о чрезвычайной его величинѣ. Каіи Цезарь измѣнилъ всегдашній обычай, не велѣлъ напередъ показывать народу рѣдчайшихъ звѣрей и допустилъ исключеніе лишь одной громадной змѣи, которая не должна была участвовать въ давно ожидаемыхъ играхъ. Звѣри назначаемые для травли оставались въ своихъ клѣткахъ; тѣ же, которые должны были изумлять народъ своей дрессировкой, были поручаемы звѣреукротителямъ, *mansuetariis*. Эти мастера начинали свое дѣло съ того, что вымазывали пасть дикимъ лвамъ, медвѣдямъ, пантерамъ, особымъ сокомъ, именно *chalcanthum*; этотъ сокъ, по замѣчанію Эліана, имѣлъ такую вяжущую силу, что звѣри становились неспособными кусаться. Для дальнѣйшей выучки Филостратъ даетъ слѣдующее наставленіе: «Берегитесь бить дикихъ звѣрей, вы возбуждаете въ нихъ чувство мести; но и не ласкайтесь къ нимъ слишкомъ много и не обходитесь съ ними боязливо, ибо иначе станутъ надменны и не послушны; чтобъ сдѣлать ихъ ласковыми и ручными, должно ихъ гладить рукою.» Далѣе Эліанъ упоминаетъ способъ вполнѣ укротить ихъ голодомъ и разнообразіемъ корма. До какого искусства доходили эти мансуэтаріи въ дѣлѣ укрощенія, показываетъ примѣръ Аннона, левъ котораго носилъ поноску подобно собакамъ, и еще болѣе примѣръ льва Вероники, который, по рассказу Эліана, служилъ ей вмѣсто горничной (*ancilla ognatrix*), разглаживалъ языкомъ морщины, обѣдалъ съ нею за однимъ столомъ, умѣренно и съ обычными разстановками. Эліанъ увѣряетъ даже, будто онъ видѣлъ слона, который писалъ хоботомъ на доскѣ латинскія буквы и всегда правильно.

Возлѣ этого звѣринца ежедневно толпились любопытныя массы народа, чтобы въ предвкушеніи назначеннаго праздника насладиться по крайней мѣрѣ стенами и громовымъ рычаніемъ рѣдкихъ животныхъ. Калигула самъ наблюдалъ за успѣхами своихъ дикихъ питомцевъ и далъ при этомъ ужасающій образчикъ своей жестокости. Его біографъ Светоній рассказываетъ, что при одномъ такомъ случаѣ смотритель звѣринца жаловался Калигулѣ на дороговизну

скота, припасаемаго для прокормленія такого множества дикихъ звѣрей. Калигула равнодушно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ должно кормить звѣрей преступниками. Преступники были вытаснены изъ темницъ и поставлены въ залѣ въ одинъ длинный рядъ передъ цезаремъ. Случилось такъ, что на обоихъ концахъ этого ряда узниковъ, содержавшихся за различныя преступленія, стояли лысые. Не обращая вниманія на вину каждого, Калигула приказалъ отъ одной лысой головы до другой, то есть, цѣлый рядъ, бросить на пищу звѣрямъ.

Вотъ приближается день игръ. Со всѣхъ сторонъ міра стекаются въ Римъ зрители, и Марціалъ совершенно справедливо спрашиваетъ, гдѣ тотъ народъ, который бы не имѣлъ своего представителя въ числѣ зрителей. Фракійцы, Сарматы, Египтяне, Арабы, сыны Ливійской пустыни и Эіопляне—все собираются въ Римъ. Дома богатые и знатные наполняются гостями, становятся еще многолюднѣе, чѣмъ бывало во времена Цицерона, который уже тогда говорилъ о Сизеннѣ, что во время игръ цирка домъ его былъ наполненъ знатнѣйшими гостями. Кто не находилъ пристанища въ домѣ своего друга, того помѣщали гдѣ нибудь на ночь вблизи цирка: въ этомъ и состояла главнѣйшимъ образомъ услужливость хозяина относительно гостей. Наконецъ приходитъ вечеръ наканунѣ праздника, и толпы любопытныхъ изъ ближайшихъ окрестностей Рима стекаются въ городъ. Ночной шумъ все усиливается вокругъ цирка. Конюшня роскошнаго Инцитата находилась возлѣ самаго цирка, а такъ какъ на утро онъ долженъ доказать свою силу, то цезарь боится за ночное спокойствіе своего любимца. Онъ отправляетъ отрядъ войска для соблюденія глубочайшей тишины вблизи конюшни. Только въ залахъ несчастныхъ преступниковъ, которые на другой день должны вынести смертельный бой съ дикими звѣрями, только здѣсь еще слышенъ оглушающій шумъ. Изъ мрачныхъ темницъ выпустили ихъ въ просторныя залы для того, чтобы, по суровому обычаю того времени, наканунѣ страшной борьбы угостить ихъ на государственный счетъ всѣмъ, что только пожелаетъ ихъ безчувственность или отчаяніе.

Около полуночи городская толпа уже ломится съ шумомъ въ циркъ, чтобы занять лучшія даровыя мѣста (*loci gratuita*). Всадники и знатныя дамы среди суматохи. Шумъ при вторженіи въ циркъ и борьбѣ за мѣста и дикое бушеваніе въ темныхъ, безконечныхъ пространствахъ цирка пробудили отъ сна Калигулу. Такъ какъ на другое утро онъ намѣренъ былъ лично открыть игры въ качествѣ

возницы, то онъ имѣлъ столько же правъ на отдохновеніе ночью, какъ Инцитатъ, и потому велѣлъ безпокойную толпу выгнать палками изъ цирка. Въ темнотѣ ночи и въ толпѣ бѣжавшихъ отъ ударовъ задавлены были двадцать римскихъ всадниковъ и столько же дамъ, кромѣ (такъ рассказываетъ Светоній) безчисленнаго множества простыхъ людей. Но любопытство Римлянъ нисколько не было оставлено этимъ ужаснымъ происшествіемъ. На разсвѣтъ дня циркъ былъ весь наполненъ, какъ и прежде.

Разсмотримъ теперь пока до начала игръ огромное изданіе цирка. Мы стоимъ у большаго входа, у самаго крайняго изгиба полукруга. Съ права и съ лѣва у насъ два меньшіе входа. Главныя большія ворота ведутъ въ средину арены, и черезъ нихъ вступаетъ пышная помпа, которою открываются игры, на арену. Надъ этими большими воротами находится *maenium*, ложа императора. Прямо противъ нихъ на другомъ концѣ цирка видно большое зданіе съ тринадцатью входами, обращенными на арену, изъ которыхъ средній значительно больше всѣхъ другихъ. Этотъ средній входъ назначенъ для возвращенія въ *orridum* скаковыхъ лошадей, колесницъ и прочаго аппарата игръ; остальные двѣнадцать воротъ назначены для выпуска на арену колесницъ, лошадей и дикихъ звѣрей. Большое зданіе надъ этими тринадцатью входами заключаетъ въ себѣ частію квартиры служащихъ при циркѣ, частію ложи (*maeniana*). Если мы взглянемъ — все еще стоя передъ циркомъ — вверхъ на внѣшнюю сторону окружающаго арену зданія, то стѣны цирка состоятъ изъ трехъ одинъ надъ другимъ лежащихъ рядовъ аркъ столь большаго размѣра, что высота наружныхъ стѣнъ цирка возвышается надъ самыми высокими зданіями. Въ самомъ нижнемъ ряду, лежащемъ на землѣ, находятся разныя лавки и мастерскія, и всякая потребность сластолюбивыхъ и расточительныхъ Римлянъ находитъ себѣ здѣсь удовлетвореніе; во второмъ ряду находятся жилища, а третій, верхній, рядъ образуетъ широкую крытую галлерею.

Вотъ ужъ наступилъ день, и прежде, чѣмъ войдемъ мы во внутренность цирка, мы прогуляемся по этимъ аркадамъ, въ которыхъ огромное населеніе Рима находитъ всѣ предметы своего потребленія, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ изобрѣтеній роскоши. Съ обѣихъ сторонъ главныхъ воротъ первое мѣсто подъ этими арками занимаютъ лавки съ съѣстными припасами всякаго рода, булочныя, лавки съ гальскою солониною и ветчиною, съ соленою морскою рыбою изъ Испаніи. Рядомъ съ ними лавки съ гре-

ческимъ медомъ и греческимъ виномъ, которое вытѣснило итальянское вино съ тѣхъ поръ, какъ Лукуллъ, воротившись изъ Азіи, велѣлъ раздать его сто тысячъ ведеръ. За этими винными магазинами слѣдуютъ лавки съ лакомыми для римскихъ сластолюбцевъ кушаньями; въ нихъ продаются фригійскіе пѣтухи, испанскіе павлины, мелосскіе журавли и откормленные устрицы изъ Лукринскаго озера. Далѣе продаются дорогія приправы или спеціи индійскія: карица, имбирь, благоухающій нарדъ и драгоценныя листья малабатра и бетеля, которые употреблялись для куреній и были такъ дороги, что фунтъ ихъ стоилъ около 65 рублей серебромъ, что однако же не удержало Нерона обратить въ дымъ, при погребеніи Пoppей, столько этихъ дорогихъ благовоній, сколько Аравія могла произрастить ихъ въ годъ.

Во всѣхъ этихъ лавкахъ при самомъ началѣ дня начался шумъ и толкотня; но пусты еще тѣ болѣе отдаленныя лавки, въ которыхъ большой свѣтъ находилъ удовлетвореніе всѣмъ прихотямъ своего туалета. Только начинаютъ открываться лавки съ дорогими шелковыми матеріями, привезенными съ острова Коса, съ матеріями всякаго рода, отъ самаго тонкаго муслина до самой грубой пестрой выбойки, какую доставляли въ Римъ египетскіе купцы; выставляютъ свои товары ювелиры, драгоценныя камни изъ Индіи и перлы изъ Нелькинды; выставляются дорогія хрустальныя вещи и сосуды изъ мурры (драгоценная глина, родъ фарфора: за одинъ изъ такихъ сосудовъ Титъ Петроній заплатилъ около 450,000 рублей серебромъ); наконецъ на самомъ краю длиннаго ряда открываются косметическіе магазины для римскихъ дамъ, съ румянами, помадами, съ коробочками, въ которыхъ хранится истертая въ порошокъ пемза, назначенная для того, чтобъ выглаживать кожу римскихъ дамъ по святіи теста изъ пшеничной муки и ослинаго молока, которымъ онѣ на ночь покрывали свое лицо для сохраненія свѣжести и цвѣта лица.

Между тѣмъ циркъ наполнился вплоть до самаго верхняго ряда, и вотъ мы черезъ большія ворота входимъ на арену. Вмѣсто обыкновеннаго песку усыпана она нынѣ истолченнымъ въ порошокъ зеленымъ малахитомъ, яркая зелень котораго пестрится красными полосами киновари; потому что цезарь, ревностный приверженецъ зеленой партіи, съ которою соединилась красная, въ первый разъ нынѣ хочетъ выступить какъ возникшій, и притомъ въ дивреѣ зеленой партіи, *prasina factio*.

Кругомъ арены, за исключеніемъ той стороны, откуда выбѣ-

гаютъ колесницы, обходить эврипъ, этотъ наполненный водою каналъ, имѣющій десять футовъ ширины и столько же глубины, окруженный стѣною въ двѣнадцать футовъ вышины, вокругъ которой идутъ перила, а за ними сидятъ сенаторы; въ первый разъ нынѣ на ихъ каменныхъ скамьяхъ лежить по подушкѣ (pulvillus). За ихъ мѣстами поднимаются лѣстницею вверхъ пятьдесятъ рядовъ мѣстъ, до самой верхней галлерей, которая образуетъ самый высокій ярусъ цирка. Мѣста всѣ каменные, они имѣютъ 1 футъ 4 дюйма вышины и $2\frac{1}{2}$ фута ширины. Они такъ широки для того, чтобы можно было входящимъ пройти къ своимъ мѣстамъ сзади другихъ, которые пришли и сѣли прежде. Эти ряды мѣстъ раздѣлены на отдѣленія лѣстницами, ведущими въ циркъ изъ 64 дверей. Всякое такое отдѣленіе между двумя лѣстницами называется клиномъ, cuneus, и императоры, равно какъ и сановники, которые давали игры, берегли часто всѣ мѣста одного такого отдѣленія для чужестранцевъ и друзей. Двери, которыми входили на лѣстницы, идущія между мѣстами для зрителей, такъ называемыя vomitoria, вели въ пространные корридоры, родъ нашихъ фойе, широкими выходами, по широкимъ лѣстницамъ; онѣ были такъ хорошо расположены, что никогда при выходѣ не могло быть тѣсноты. Вдоль рядовъ, у ногъ сидящихъ зрителей, проведены небольшіе желоба, чтобы отводить воду въ случаѣ, если внезапный дождь польется въ некрытый циркъ.

Все еще приходятъ новые зрители, и назначенные для указанія мѣстъ designatores съ своими ликторами стараются сохранить порядокъ. Друзья императора приходятъ поздно, въ надеждѣ на сбереженные для нихъ мѣста, и видятъ, что ихъ мѣста уже заняты; они обращаются къ одному изъ дезигнаторовъ, и тотъ посылаетъ одного изъ своихъ ликторовъ сказать дерзкому, занявшему чужое мѣсто: «surge» (встань). Но и кромѣ того безпрестанно бываетъ перемѣна мѣста. Марціалъ оставилъ намъ живое изображеніе того, какъ дезигнаторъ Лекцій гонялъ какого-то Наннея. Этому Наннею какъ-то удалось пробраться на мѣста всадниковъ. Съ мѣста на мѣсто гоняетъ его Лекцій до самаго края скамьи всадниковъ, гдѣ онъ одной половиною тѣла сидитъ, а другою виситъ на воздухѣ, такъ что осматривающему мѣста дезигнатору онъ можетъ сказать, что стоитъ, и въ то же время похвастать передъ другими, что сидѣлъ между всадниками. Уже ночью втѣснялись бѣднѣйшіе Римляне въ циркъ, дабы занять лучшія нижнія мѣста и уступить ихъ потомъ за извѣстную плату тѣмъ, которые опаздывали. Болѣе

богатые Римляне, которымъ не хотѣлось еще ночью доставать себѣ мѣста, охотно платили за мѣста этимъ спекуляторамъ, которые и назывались потѣму *locarii*. Этотъ промыселъ былъ не безъ выгоды, и не малое число бѣдныхъ Римлянъ не занимались въ продолженіи года ничѣмъ другимъ: они первые захватывали мѣста и никогда не смотрѣли сами на зрѣлище.

Прежде, чѣмъ позаботимся мы занять для себя удобное мѣсто, посмотримъ еще разъ, стоя внизу на аренѣ, на этотъ огромный приливъ зрителей. Прямо надъ ареною сидятъ сенаторы въ полной формѣ, безъ которой дезигнаторъ не пуститъ ихъ на сенаторскія мѣста; но отъ солнца и дождя надѣли они поверхъ свего сенаторскаго платья толстый плащъ съ капущею (*paenula*). Молодые сенаторы, какъ послушные ученики своего учителя въ наукѣ любви, поэтъ Овидіа, предпочли неузнанные сѣсть въ болѣе отдаленныхъ рядахъ, гдѣ въ пестромъ смѣшеніи всѣ состоянія старались убить время до начала игры въ разговорахъ и шуткахъ всякаго рода. Позади зрителей начинается дѣятельность различныхъ промысловъ, получившихъ свое начало частію отъ безыравственности большого города, частію отъ предрасудковъ и скуки. Дѣятельнѣ всѣхъ математики, которые стараются сократить длинное время для ожидающихъ зрителей предсказаніями за небольшую плату. Народъ называлъ общимъ именемъ математиковъ всѣхъ странствовавшихъ въ Римѣ предсказателей, халдеевъ и маговъ. Самыя строгія мѣры сената и императоровъ не могли очистить городъ отъ этихъ промышленниковъ; наказанія, имъ назначаемыя, возвышали только вѣру въ ихъ искусство, такъ что наконецъ ловкій магъ сталъ необходимою принадлежностію знатнаго дома. Между ними толкаются мальчики, прибыльно торгующіе самыми простыми вещами. Одинъ предлагаетъ орѣхи, другой другія лакомства, третій носитъ кувшинъ съ водою.

Наконецъ по долгомъ ожиданіи одинъ изъ зрителей возвыщается, что праздничная помпа двинулась и скоро будетъ у цирка. Группа болтающихъ расходится; всѣ спѣшаютъ къ своимъ мѣстамъ. Возмемъ и мы одно мѣсто, откуда можно было бы обозрѣть начинающіяся игры. Звукъ трубъ возвыщаетъ прибытіе императора, и вслѣдъ за тѣмъ показывается начало необозримой процессіи: идутъ ликторы и императорскіе тѣлохранители — конные и пѣшіе, за ними идетъ самъ цезарь въ цвѣтахъ зеленой партіи на колесницѣ изъ основанной кости, запряженной шестью лошадьми въ рядъ. Цезарь самъ править лошадьми; подлѣ него находится какъ служитель въ зеле-

ной ливреѣ Вителлій, въ послѣдствіи бывшій тоже императоромъ. При вступленіи цезаря на арену, перваго императора, который лично прививаетъ участіе въ ристаніяхъ, поднимаются сенаторы и слагаютъ пенулу. Раздается громко нескончаемый крикъ народа. Еще при первыхъ императорахъ образовался въ Римѣ особенный обычай встрѣчать императора (при его вступленіи въ публичное собраніе) льстивыми восклицаніями въ опредѣленномъ числѣ и въ гармоническомъ рѣмѣ. Чтобы не было недостатка при этомъ въ числѣ повтореній, чтобы не было ошибки въ тактѣ, по всему цирку разставлены были люди, которые должны были монотонно пѣть эти привѣтствія, а за ними уже повторялъ ихъ *unipono* народъ. Съ педантическою точностію рассказываетъ намъ объ этомъ Вопискъ въ жизнеописаніи младшаго Клавдія. Когда Клавдій вступилъ въ циркъ, то ему прокричали шестьдесятъ разъ: «да сохранять тебя боги для насъ!» — сорокъ разъ: «мы всегда желали такого цезаря, какъ ты!» — наконецъ восемьдесятъ разъ: «ты нашъ отецъ, братъ, другъ, ты хорошій сенаторъ и истинный цезарь!»

Когда народъ привѣтствовалъ Калигулу подобными восклицаніями, цезарь, медленно объѣзжая кругомъ арену, благодарилъ хлыстомъ (*flagello veneratur*). Сто колесницъ, запряженныхъ четвернею, слѣдовали за императоромъ; шестіе замыкали двѣ колесницы, изъ которыхъ одна запряжена была четырьмя верблюдами, другая четырьмя слонами. Медленно, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, подвигалась эта процессія къ противоположнымъ воротамъ, чтобы начать ристаніе изъ малыхъ воротъ карцеровъ. Цезарь въ зеленомъ платьѣ самъ открываетъ ристаніе; считая недостойнымъ вступать въ состязаніе съ рабами, онъ велитъ тремъ сенаторамъ одѣться въ платье прочихъ партій и быть своими конкуррентами. Семь разъ должны колесницы объѣхать мету, отправляясь отъ лѣвой стороны къ правой. Калигула остался побѣдителемъ. Народъ, по странному обычаю цирка, съ радостными восклицаніями бросалъ вверхъ платье, безъ котораго можно было обойтись. Тертуллианъ замѣчаетъ, что въ избытокъ удовольствія нѣкоторые энтузіасты скидали съ себя все и, по окончаніи игръ, оставляли циркъ вовсе безъ платья.

Неронъ первый пріобрѣлъ славу формальной организаціи клавѣровъ въ циркѣ. Когда онъ пѣлъ въ неапольскомъ театрѣ, случайно въ гавани находилось множество кораблей, пришедшихъ изъ Египта съ хлѣбомъ. Матросы и люди, находившіеся на этихъ корабляхъ, восхищенные тѣмъ, что видѣли своего кесаря пѣвцомъ на сценѣ, выразили свое удовольствіе особымъ музыкальнымъ шумомъ

по александрійскому обычаю. Неронъ, обрадованный этимъ новымъ способомъ одобренія, не хотѣлъ отказаться отъ этого удовольствія и въ Римѣ. По возвращеніи своемъ, онъ выбралъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ всадниковъ и кромѣ того пять тысячъ изъ простыхъ гражданъ, крѣпкорукихъ въ собственномъ смыслѣ слова, велѣлъ обучить ихъ тремъ способамъ александрійскаго рукоплесканія (*imbrices*, *bombi* и *testae*) и начальникамъ этихъ клакѣровъ платилъ по 2,300 руб. серебр. жалованья.

Калигула, довольный славою побѣдителя двухъ-трехъ сенаторовъ въ кучерскомъ искусствѣ, и своею недовкостью сдѣлавши хромымъ на всю жизнь Вителлія, смотрѣлъ теперь на ристанія изъ императорской логи. Между тѣмъ въ карцерахъ кинуть былъ жребій, кому изъ возницъ начинать ристаніе. Когда жребій опредѣлилъ первыхъ четырехъ, по одному изъ каждой партіи, открылись четыре малые ворота карцеровъ, и четыре колесницы выѣхали нѣсколько шаговъ впередъ до цѣпи, которую держали двѣ небольшія статуи Меркурія. Колесницы были запряжены четвернею лошадей въ рядъ, изъ которыхъ двѣ были въ дышлѣ (*equi jugales*), а другія двѣ, какъ мы говоримъ, бѣжали на пристяжкѣ (*equi funales*). Лучшая лошадь должна была быть на лѣвой сторонѣ отъ кучера, потому что при поворотѣ около меты ей приходилось дѣлать самый малый изгибъ. Оттого во многихъ надписяхъ, въ которыхъ упоминаются имена одержавшихъ побѣду возничихъ и лошадей, называется всегда имя только одной этой лошади. Въ числѣ другихъ жребій выпалъ также возничему Цецинны Волатеррана, богатаго всадника и приверженца голубой партіи. Во время путешествія въ Римъ изъ своего помѣстья въ Греціи онъ бралъ на дорогѣ въ домъ каждаго своего пріятеля по ласточкѣ и теперь ласточкамъ этимъ повязалъ на шею голубыя ленты. Когда, по окончаніи ристанія, его лошади одержали побѣду, и возничій получилъ изъ рукъ судей состязанія золотой вѣнокъ, тогда, при величайшемъ удовольствіи зрителей, выпустилъ онъ ласточекъ, и онѣ полетѣли изъ цирка по домамъ своимъ съ вѣстью о побѣдѣ.

Когда ягучее римское солнце августа мѣсяца поднялось выше стѣнъ цирка, цезарь приказалъ покрыть циркъ огромнымъ шелковымъ покрываломъ, великолѣпно вышитымъ золотомъ. Но около полудни, когда двадцать разъ уже перемѣнилось по двѣ пары возничихъ, цезарь вдругъ повелѣлъ снять покрывало и запретилъ зрителямъ оставлять циркъ. Съ четверть часа наслаждался цезарь мученіемъ Римлянъ, и потомъ далъ новый знакъ. Въ ту же минуту

покрылся циркъ густымъ влажнымъ облакомъ. Огромные насосы подъ ареною и въ верхней галлерей цирка оросили все пространство мелкимъ дождемъ благовонныхъ водъ. Въ то же время по маленькимъ желобкамъ въ ногахъ зрителей потекли ручьи благоухающей кроковой эссенции, и тѣнистое покрывало снова закрыло циркъ, какъ будто Калигула хотѣлъ дать Римлянамъ вкусить нѣсколько адскихъ мукъ и потомъ возвратитъ ихъ къ наслажденіямъ рая.

Въ полдень кончился бѣгъ колесницъ, взмокшія лошади были вымыты и вычищены, и раздѣлены награды. Получившему первую награду давали золотой вѣнокъ и болѣе 1,500 руб. сереб. звонкой монетой, получившему вторую и третью награду — соразмѣрно менѣе. При каждомъ ристаніи слѣдовательно раздавалось 25 первыхъ, 25 вторыхъ и 25 третьихъ наградъ. Несвободные возникше отдавали свои награды квестору общества, который и раздѣлялъ ихъ потомъ между членами общества. Глашатай провозглашалъ имена побѣдителей, и Калигула давалъ побѣдителямъ, принадлежавшимъ къ зеленой партіи, кромѣ обыкновенныхъ наградъ, еще дорогихъ лошадей.

Въ промежутокъ времени, когда игры въ полдень прекратились, зрители обыкновенно оставляли циркъ, чтобы позавтракать въ сѣстныхъ лавкахъ. Въ день рожденія Калигулы свидѣтели его побѣды должны были быть его гостями. Онъ самъ завтракалъ съ своими друзьями и любимцами въ императорской ложѣ. Для другихъ зрителей, какъ это было уже при Тиберіѣ, тысяча столовъ со всѣми возможными яствами поставлены были на аренѣ, и цезарь изъ своей ложи наслаждался пестрымъ смѣшеніемъ и суматохою сенаторовъ, всадниковъ, дамъ и черни, которыя послѣ двѣнадцатичасоваго лишенія со всею энергіею голода боролись вокругъ императорскихъ столовъ.

Но вотъ столы приняты, и зрители возвратились на свои мѣста. Скоро начнется охота. Начинается она такъ-называемою безкровною охотою, гдѣ показывается изумленному народу только послушаніе дрессированныхъ звѣрей. Укротители звѣрей выходятъ сначала съ двумя львами и съ извѣстнымъ числомъ зайцевъ; львы преслѣдуютъ зайцевъ, ловятъ ихъ и снова пускаютъ ихъ бѣжать. Мальчики разбѣгаютъ кругомъ на буйволахъ; въ ярипѣ рыбы приходятъ и уходятъ на голосъ своихъ приставовъ; по огромному канату, протянутому съ верхней галлерей цирка внизъ на арену, сѣзжаетъ одинъ на слонѣ. Канатъ снимаютъ, выносятъ на арену шесть столовъ, кладутъ передъ каждымъ два матраца, на столахъ въ золо-

тыхъ и серебряныхъ сосудахъ ставятъ кушанья. Изъ карцеровъ выходятъ двѣнадцать слоновъ, шесть въ мужской, шесть въ женской одеждѣ; попарно идутъ они и садятся за столы и по данному знаку начинаютъ обѣдъ. Заключаются эти забавы, какъ пишетъ Эліанъ, ристаніемъ обезьянъ, которыхъ Римляне всегда привѣтствовали съ необыкновенною радостію. Четыре обезьяны, одѣтыя въ цвѣта четырехъ партій цирка, съ хлыстами наподобіе возничихъ, привязываются къ четыремъ неукротимымъ лошадямъ. Императоръ подаетъ знакъ, и безконечный смѣхъ сопровождаетъ несчастныхъ всадниковъ, при скачкѣ которыхъ остается нерѣшеннымъ, всадникъ ли болѣе досаденъ лошади, или лошадь всаднику.

Шесть часовъ уже продолжаются игры, и усталые зрители требуютъ болѣе пикантнаго. Вотъ подають знакъ къ кровавой охотѣ. — До сихъ поръ игры въ циркѣ представляли только видъ удовольствій пышной столицы великаго государства. Исключивъ расточительный блескъ и почти баснословную роскошь, можно было бы вообразить себѣ возможность подобныхъ забавъ и въ столицахъ настоящаго міра. Описаніе происходящаго внутри цирка не столько поражаетъ насъ странностію явленій, сколько сходствомъ этихъ явленій въ древнемъ и новомъ мірѣ. Наше изумленіе возбуждается только утонченностію наслажденія и тѣми огромными средствами, которыя на это употреблялись. Совсѣмъ другой видъ представляютъ удовольствія послѣполуденныя. Ужасныя забавы, которыми народъ римскій утѣшался съ такою необъяснимою охотою, такъ далеки отъ образа мыслей и чувствованій нашего времени, что, если бы истина этихъ страшныхъ рассказовъ не была внѣ всякаго сомнѣнія, мы были бы готовы принять ихъ за сновидѣнія безумнаго. Мы съ намѣреніемъ опускаемъ здѣсь второй день игръ, когда цезарь въ своей ненасытной страсти къ кровавымъ сценамъ заставилъ сражаться на жизнь и смерть не отдѣльныхъ только бойцевъ, челоѣкъ противъ челоѣка, какъ было прежде, но цѣлыя толпы, тысячи противъ тысячъ, такъ что мертвые, крюками таскаемые съ арены, цѣлыми кучами наполнили большой залъ цирка, гдѣ складывались трупы (такъ называемый *proliarium*). Двадцать шесть всадниковъ были убиты въ одинъ день въ этомъ театральномъ побоищѣ подѣ тѣмъ ничтожнымъ предлогомъ, что они моты и выступили въ гладіаторскомъ бою безъ позволенія цезаря. Огромнаго роста женщины и маленькіе карлики, собранные изъ всѣхъ провинцій Имперіи для этой ужасной забавы, должны были, какъ рассказываетъ одинъ современникъ Домиціана,

сражаться другъ съ другомъ на жизнь и смерть «для удовольствія бога войны и богини храбрости».

Но возвратимся опять въ циркъ , гдѣ начинается первое явленіе кровавой драмы , въ своемъ послѣднемъ актѣ превосходящей все , что только можетъ придумать самый кровожадный духъ.

Первый актъ кровавой охоты составляетъ бой враждебныхъ звѣрей. Открываются въ карцерахъ двѣ клѣтки; изъ одной выбѣгаетъ на арену бѣшеный слонъ , возбужденный спиртными напитками; изъ другой вырывается другой колоссъ , носорогъ , раздраженный горячимъ желѣзомъ и громомъ трубъ. Начинается бой, и носорогъ остается побѣдителемъ. Служители цирка тащутъ съ арены слона съ распоротымъ животомъ, еще трепещущаго и стонущаго. Послѣ того носорогъ низлагаетъ еще огромнаго медвѣдя и уводится, привѣствуемый народомъ , какъ побѣдитель. Теперь отворяются ближайшія къ эврипу ворота карцеровъ, и съ изумленіемъ видитъ народъ устремившуюся въ воды эврипа исполинскую нильскую лошадь; въ неравной бой съ нею вступаетъ медвѣдь. Въ заключеніе боя звѣрей между собою отворяются вдругъ всѣ двери карцеровъ, и множество медвѣдей, львовъ, тигровъ, гіеннъ и леопардовъ выбѣгаютъ на арену и разрываютъ другъ друга въ ожесточенномъ бою. Діонъ Кассій говоритъ , что въ этотъ день рожденія Калигулы истреблено такимъ образомъ восемьсотъ различныхъ звѣрей. Убитые , полуразорванные звѣри выносятся и бросаются на улицы. «Голодная толпа римской черни, *vulgus ignobile* (какъ говоритъ Апулей) которой отказано было въ счастіи быть въ самомъ циркѣ, стоитъ голодная у его входовъ, ревомъ своимъ аккомпанируетъ радостнымъ восклицаніямъ, раздающимся изъ цирка, и съ жадностію нападаетъ на мертвыхъ и полумертвыхъ звѣрей , чтобы утащить къ себѣ домой этотъ лакомый обѣдъ.» — «Потому что необразованная бѣдность», говоритъ тотъ же Апулей , «безъ разбора ѣстъ все , что только наполняетъ желудокъ , и охотище всего таскаетъ въ свою берлогу жирныхъ медвѣдей.»

Начинается второй актъ кровавой охоты. Въ одну минуту пятьдесятъ страусовъ, 32 жирафа, 20 зебровъ , 15 лосей , 100 оленей, 20 слоновъ, 40 дикихъ лошадей , 60 буйволовъ наполняютъ арену, а 36 крокодиловъ — эврипъ. На арену выходятъ охотники, обитатели всѣхъ странъ древняго міра , всякій со своимъ оружіемъ , какъ требуетъ обычай его страны и родъ охоты, которою онъ занимается. Этотъ примѣръ еще подалъ Сулла , который, впервые введя въ циркъ лъвиную охоту, выписалъ также и охотниковъ изъ

Абиссиніи. Одни носятъ ножикъ, дротики и стрѣлы, другіе сѣти и силки. Какъ страстный охотникъ, цезарь самъ принимаетъ участіе въ этой охотѣ; онъ стрѣляетъ изъ своей ложи звѣрей подбѣгающихъ близко. Охота кончилась. Арена покрыта трупами рѣдкихъ звѣрей, и ожидающая передъ циркомъ толпа съ ревомъ изумленія хватаетъ невиданные еще никогда куски и съ торжествомъ тащить дорогую добычу по улицамъ Рима, возбуждая зависть въ тѣхъ, которые, столь же жадные, были не столь счастливы.

До сихъ поръ разрывали только звѣри другъ друга, до сихъ поръ народъ удивлялся только искусству охотниковъ, несомнѣнныхъ побѣдителей въ бою съ звѣрями. Въ крови, потоками своими покрывшей дорогую насыпь арены изъ малахита и киновари, не было еще ни одной капли крови человѣческой. Зрители устали смотрѣть на этотъ кровавый бой; чтобы не побѣдила ихъ усталость, нужно было новое, сильнѣйшее раздраженіе. Огромныя лужи крови засыпаются свѣжимъ пѣскомъ и готовится бой людей съ кровавыми звѣрями.

Эти бойцы, называвшіеся *bestiarii*, были или преступники, приговоренные къ этой казни, или *paraboli*, отчаянные смѣльчаки, которые за деньги нанимались тѣми, которые давали игры; подобно гладиаторамъ давали они страшную клятву не прежде оканчивать бой, какъ со смертью звѣря или своею собственною. Какъ преступники, такъ и эти охотники обучались въ особенныхъ школахъ различнымъ родамъ боя. Преступникъ, приговоренный къ битвѣ съ звѣрями, долженъ былъ сражаться, пока погибалъ; если въ продолженіи года онъ не былъ разорванъ, то онъ погибалъ въ *spoliarium*, т. е. въ той залѣ цирка, гдѣ собираемы были мертвыя тѣла. Ремесло добровольныхъ бойцовъ за деньги противъ звѣрей было въ презрѣніи до позднѣйшаго времени. Но при императорахъ выходили на этотъ бой со звѣрями даже молодые всадники, не бравшіе за это денегъ, изъ одного молодечества; уже при погребеніи дочери Цезаря между преступниками вышелъ на этотъ бой сынъ одного претора.

Первую часть этой кровавой забавы составляла охота безъ оружія. Начинали три *bestiarii* съ тремя буйволами. Каждый боецъ выбиралъ себѣ буйвола, на котораго онъ нападалъ и потомъ бѣжалъ отъ него. Искусство бойца состояло въ ловкости и умѣньи не устывать, а конецъ боя въ томъ, что боецъ прыгалъ на спину измученнаго продолжительнымъ преслѣдованіемъ звѣря, по шеѣ буйвола спускался къ его головѣ и, сильно дернувши его за рога, повергалъ на землю. — Послѣ этой игры, которая оканчивалась довольно не-

винно, выступали бойцы противъ львовъ и медвѣдей , вооруженные только большими полотнами и крѣпкими сѣтями; такой боецъ, постоянно убѣгая передъ своимъ страшнымъ противникомъ, старается набросить на него полотно такъ, чтобы утащить звѣря въ клѣтку безъ вреда себѣ. Теперь бой сталъ уже не такъ выгоденъ для человека: не одинъ боецъ лежитъ поверженный и разорванный на части своимъ неумолимымъ противникомъ. Въ народѣ пробудилась жажда крови; и цезарь даетъ давно желанный знакъ къ открытію послѣдняго, самаго отвратительнаго акта кровавой охоты. Къ этому страшному бою приведены сотни плѣнныхъ изъ всѣхъ частей государства; вооруженные ножами и мечами, выходятъ они на арену. Отворяются клѣтки карцеровъ , и 200 голодныхъ медвѣдей и 400 другихъ звѣрей изъ Африки, львы, тигры и гіенны, съ страшнымъ ревомъ и воемъ бросаются на свои жертвы. Въ одну минуту противники встрѣтились и вступили въ бой. Крикъ и ревъ сражающихся, страшные вопли людей , разрываемыхъ звѣрями , и стонъ раненыхъ звѣрей почти заглушается неистовыми криками народа. Побѣдивши въ одномъ бою, боецъ обращается къ народу съ мольбою избавить его отъ втораго бою, но глухъ къ его просьбамъ народъ, ослѣпленный безумною страстію къ кровопролитію. Неумолимый, даетъ онъ знакъ, что боецъ долженъ сражаться до смерти.

На этотъ разъ бой былъ несчастенъ для бестіаріевъ; они погибли всѣ, и не доставало плѣнныхъ , чтобы продолжать бой съ оставшимися звѣрями. Калигула , который еще въ дѣтствѣ ничѣмъ такъ не утѣшался , какъ зрѣлищемъ мукъ и казней преступниковъ , при чемъ онъ , какъ самъ послѣ хвасталъ , пріобрѣлъ ту твердость , съ которою глазъ не отворачиваясь можетъ смотрѣть на самыя ужасающія вещи , — Калигула смотритъ на страшное побоище , гдѣ львы и гіенны разрываютъ и пожираютъ полуживыхъ еще бойцевъ. Ему кажется, что голодъ звѣрей еще не удовлетворенъ, что не довольно еще текло крови, и онъ даетъ страшное приказаніе, которое, къ чести человѣческой природы, можно было бы счесть вымысломъ, если бы Діонъ Кассій не подтвердилъ истину этого происшествія во всѣхъ подробностяхъ, — онъ приказываетъ, чтобы служители цирка схватили дюжину изъ среды бѣднаго народа , который, не имѣя определенныхъ мѣстъ , съ жаднымъ любопытствомъ тѣснился на лѣстницахъ, и бросили ихъ на съѣденіе звѣрямъ. При исполненіи этого повелѣнія, оцепенѣлъ отъ ужаса римскій народъ, безчувственный впрочемъ ко всякому мученію бойцевъ. Но ни одинъ не осмѣлился сдѣлать даже мины просьбы, не говоря уже о какомъ

нибудь выраженіи неудовольствія голосомъ. Празднество дня рожденія Калигулы, повидимому, требовало такой жертвы.

Наконецъ и эта часть послѣполуденныхъ забавъ римскаго народа кончилась. Оставшіеся въ живыхъ звѣри горячимъ желѣзомъ вгоняются назадъ въ карцеры. Разорванные трупы бойцевъ крющьями стаскиваются съ арены въ то огромное *spoliarium*, о которомъ не разъ уже было говорено; трупы звѣрей выбрасываются голодной толпою у дверей цирка.

Страшная сцена, наполнившая нѣмымъ ужасомъ даже привыкшую къ крови публику римскаго цирка, должна была быть истреблена изъ памяти Римлянъ послѣднимъ актомъ игры, и богаче и блистательнѣе чѣмъ когда нибудь этотъ день заключенъ былъ охотою *disruptionis causa*, т. е. подарками народу разныхъ драгоценныхъ вещей.

Во второй разъ напоенная кровью арена усыпается свѣжимъ пескомъ. Въ срединѣ ея находится большое мѣсто, продолговатый четвероугольникъ, покрытый досками, *пегма*; подъ нимъ пространная галлерей съ машинами для вытягиванія изъ глубины на высоту арены разнаго рода предметовъ. Крыша пегмы снимается, и поднимается оттуда небольшой лѣсъ зеленыхъ деревьевъ. Къ этимъ деревьямъ привязано множество рѣдкихъ птицъ. Въ то же время тысяча страусовъ, еще болѣе оленей, свиней, дикихъ овецъ и домашней птицы всякаго рода и величины выгоняются изъ всѣхъ дверей цирка. Отворяются ворота на обоихъ концахъ цирка, и жаждающая этой минуты толпа впускается на арену: всякій можетъ брать, что доставить ему счастье, ловкость и сила. Огромное поле арены, недавно еще покрытое трупами, превращается теперь въ сцену безумной и смѣшной драки. Зрители цирка наслаждаются теперь комическимъ зрѣлищемъ, какъ одни тянутся за высоко повшенною добычею, какъ другіе ловятъ летающихъ птицъ, третьи гоняются за свиньями, толкаются, отнимаютъ другъ у друга. Громкій смѣхъ, безконечная радость! Но этого мало; чтобы увеличить суматоху, изъ императорской ложи и изъ ложей надъ карцерами кидаютъ въ народъ тессеры, т. е. марки съ назначеніемъ обѣдовъ въ трактиръ, денегъ, хлѣба, мебели и всякаго рода утвари. Въ мѣста сенаторовъ, *linea dives*, чтобы этихъ достойныхъ господъ не исключить изъ общей драки, бросаются геммы, перлы, разнаго рода украшенія, а при позднѣйшихъ императорахъ бросались даже билеты на получение въ подарокъ рабовъ, домовъ и небольшихъ помѣстьевъ. Не смотря на выгоды этихъ подарковъ, Сенека совѣтуетъ всякому бла-

горазумному оставлять циркъ тотчасъ какъ только начинается задача втихъ подарковъ, потому что вѣрнѣе всего можно рассчитывать только на толчки и раны. Наконецъ, чтобы поднять до высшей степени комиссъ этой драки на аренѣ, бросаютъ въ толпу платья, отъ самыхъ простыхъ и грубыхъ до самыхъ тонкихъ и изящныхъ; самый счастливый приноситъ домой какой нибудь лоскутъ отъ нихъ, какъ бы образчикъ, чтобы показать своимъ домашнимъ, что вотъ какую славную вещь досталъ—было онъ себѣ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Цезарь поднимается съ своими друзьями изъ ложи, чтобы посвятить остатокъ дня сластолюбію. Съ шумомъ пустѣетъ пространство цирка; народъ, еще спорящій за остатки выброшенной добычи, сгоняется съ арены, и огромное зданіе цирка снова тихо и уединенно поднимается въ полумракъ теплой лѣтней ночи. Ночная тишина прерывается только стукомъ повозокъ, на которыхъ обезображенные трупы бойцевъ арены перевозятся изъ подвала цирка на вѣчный покой.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ ПО ТАЦИТУ.

АГРИППИНА МЛАДШАЯ И ПОППЕЯ САВИНА *.

Происходила смѣна поколѣній. Въ Августовомъ домѣ не стало болѣе никого изъ поколѣнія, современнаго Германику: оно кончилось смертію Клавдія. И даже изъ другаго, слѣдующаго за нимъ, которое открывалось Калигулою, уцѣлѣла лишь сестра его, Агриппина, еще не кончившая счета съ судьбою. Наступала очередь молодыхъ подростковъ, Британника, Нерона: они стояли теперь во главѣ новаго поколѣнія, которому назначено было смѣнить современниковъ Клавдія и Калигулы. Мачиха одного, мать другаго, Агриппина одна во дворцѣ цезарей представляла въ своемъ лицѣ прошлое, по крайней мѣрѣ отживающее.

Какъ же разберутся между собою ролями — люди новаго поколѣнія и та, которая одна оставалась еще между ними представительницею стараго? Удержать ли первые за собою по праву принадлежащее имъ мѣсто, или, не смотря на свои лѣта, все еще останутся безотвѣтными недорослями, уступивъ старшему члену дома не только почетъ, но и самую власть и все вліяніе?

Намъ уже довольно извѣстны свойства Агриппины, частію — ея сына и пасынка. По этимъ свойствамъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы Агриппина когда-нибудь добровольно отказа-

* См. предыдущія статьи Т. I. Отд. I, стр. 257. Т. II. Отд. I, стр. 178.